

— Ничего, всё в порядке... — видя неладное, Чжоу Жун тут же крепко прижал его к себе, поглаживая по волосам и спине, и принялся без конца повторять:

— Не бойся, это вина брата Жуна, я больше не буду тебя спрашивать... всё хорошо, не бойся...

Лишь спустя долгое время Сы Сяонань перестал метаться. Он затих в объятиях Чжоу, но брови его всё ещё были сурово сдвинуты.

— Брат Жун виноват, больше не буду спрашивать, хорошо?

Чжоу Жун потёрся щетиной о его прохладную щеку, отчего Сы Сяонань недовольно заворочался, пытаясь отстраниться.

Он выдохнул, больше не решаясь задавать подобных вопросов.

Однако тёплое тело всё ещё прижималось к нему. В тишине салона автомобиля были отчётливо слышны даже биения их сердец. Спустя мгновение Чжоу Жуна снова начало одолевать любопытство, и он не сдержался, кашлянув:

— Сы Сяонань?

Сы Сяонань дремал.

— Ты любишь брата Жуна?

— Угу.

Чжоу Жун не успел даже испугаться или обрадоваться, как этот чёткий, уверенный ответ без малейших колебаний просто выбил его из колеи. Помолчав, он издал довольное шипение и, решив схитрить, добавил:

— А Янь Хао ты любишь?

Это было форменное использование беспомощного состояния, будь Янь Хао рядом — наверняка бросился бы в драку.

На сей раз Сы Сяонань замешкался на несколько секунд:

— ...Угу.

Чжоу Жун:

— ?!

— ... — в голове Чжоу Жуна пронеслось молнией, и он спросил:

— А Чуньцао любишь?

— Угу.

— ...А Го Вэйсяна?

— Угу.

— А Дин Ши?!

— Угу.

— Хватит «угукать»! — воскликнул Чжоу Жун с досадой. — Скажи конкретно!

Сы Сяонань издал протестующее «мм-м», что, очевидно, означало нежелание высказываться конкретно.

Чжоу Жун, похожий на волка, у которого изо рта вырвали добычу, сидел и почёсывал затылок. Вдруг его осенило, и он спросил иначе:

— Ну, а из всех остальных, любишь ли ты больше всего брата Жуна?

Сы Сяонань заёрзал, и, к удивлению, казалось, даже слегка смутился, прошептав:

— Угу.

В душе Чжоу Жуна расцвели цветы и грянули салюты.

Он был невероятно доволен собой. Ему казалось, что жизнь расстилает перед ним золотую дорожку, ведущую прямо к вершине блаженства: со свадьбой, подарками, выпитыми на брудершафт бокалами и первой брачной ночью.

Он довольно расхохотался, глядя в небо, и ущипнул Сы Сяонаня за осунувшееся лицо:

— Вот и отлично, брат Жун тоже тебя любит, больше всех на свете.

Сказав это, он поцеловал его в висок, вдавил педаль газа и повёл машину в сумерках по пустыне к следующему городку.

.

Конец последнего месяца года, лютый мороз, вода замерзает на лету.

Чжоу Жун вёл машину по ночам, лишь днём позволяя себе немного поспать. Он внимательно следил за следами орд зомби, стараясь выбирать безлюдные дикие тропы с крутым рельефом, и медленно, но безопасно продвигался на юг.

Все городки и деревни, попадавшие на пути, за одну ночь превратились в руины.

Небо было высоким и далёким, завывал северный ветер. Внизу, в пустых и безмолвных деревнях, сорняки на полях клонились под порывами ветра, и в этой сутолоке можно было разглядеть крошечные, словно муравьи, фигурки, медленно бредущие по межам.

То были зомби.

В один из пасмурных полдней Чжоу Жун остановил машину на склоне холма, расставил впереди и позади заграждения, запер двери и, укутав спящего Сы Сяонаня одеялом, положил его голову себе на колени, чтобы самому вздремнуть хоть немного, прислонившись к рулю.

Однако вскоре его разбудила возня. Открыв глаза, он увидел, что Сы Сяонань проснулся и, лёжа на его коленях, отчаянно ворочается, явно чувствуя сильный дискомфорт.

За эти дни Чжоу Жун привык к постоянным поцелуям и объятиям, поэтому машинально чмокнул его в веко:

— Что такое?

Сы Сяонань немедленно поднял на него взгляд, его ресницы распахнулись веером, а в зрачках читалось такое ясное недоумение, будто он спрашивал: «Почему ты меня просто так целуешь?»

— !! — Чжоу Жун тут же спохватился, решив, что дело плохо.

Но он не показал ни капли смущения, открыто встретив взгляд Сы Сяонаня с лицом, полным весеннего тепла и доброты:

— Проснулся? Где-то болит?

— ... — Сы Сяонань, чей разум был ещё затуманен, закрыл глаза, но через мгновение снова открыл их и, сонно хрипя, произнёс:

— ...Жарко...

Чжоу Жун коснулся его ладони — и правда, она была горячей. Он немного ослабил одеяло:

— А теперь?

Сы Сяонань чуть подтянулся, поудобнее устраивая голову на сильных бедрах Чжоу Жуна, и выдохнул ещё одно слово:

— Воды.

Чжоу Жун:

— ...

Командир Чжоу испытывал жуткие мучения. Из-за того, что положение тела изменилось, лицо Сы Сяонаня оказалось почти между его бёдер, и кипящая альфья кровь вновь ударила в пах.

— Товарищ Сяо Сы, — Чжоу Жун напоил его парой глотков воды и, видя, что тот отвернулся, отказываясь пить, низко и доверительно спросил:

— Не могли бы мы серьёзно обсудить наше текущее положение?

Сы Сяонань закрыл глаза, размеренно и тихо дыша носом.

Товарищ Сяо Сы явно не хотел ничего обсуждать.

Чжоу Жун вновь погрузился в бесконечный цикл последних дней: возбуждение — спад — снова возбуждение — спад — и опять возбуждение. Он развалился на водительском сиденье, чувствуя, что чувствительность в «том самом» месте возросла в сотни раз; даже через толстую ткань камуфляжных брюк он ощущал тёплое дыхание омеги.

«Пусть я совершу ошибку», — с отчаянием подумал он.

«Товарищ Сяо Сы ведь так любит меня, может, если я совершу ошибку, он полюбит меня ещё сильнее?»

После того короткого и внезапного прояснения в полдень, признаки того, что Сы Сяонань начинает приходить в себя, появлялись всё чаще. На следующий день, когда Чжоу Жун кормил

его обезвоженными овощами с тушенкой, тот даже полусонно пробормотал «брат Жун»; а утром третьего дня, когда он спал, прислонившись к плечу Чжоу Жуна, вдруг проснулся от дорожной тряски и мягко спросил:

— ...Куда мы направляемся?

Чжоу Жун, не вынимая изо рта сигарету, печально ответил:

— В гостиницу.

Китайский язык богат и сложен, и уровень понимания Сы Сяонаня, очевидно, был ещё не на той высоте, поэтому он лишь сонно пробормотал «о».

Но Чжоу Жун действительно держал курс на ночлег. До наступления темноты он нашёл в горах двухэтажный бетонный домик лесников. Жилищные условия были вполне сносными, хоть здание и пустовало долгое время, покрывшись слоем пыли, а на кухне нашлись почти полный баллон газа и посуда.

Он ловко перегородил машиной вход в здание, превратив её в надёжный барьер, а дверь развернул к выходу на лестницу, чтобы в случае чего быстро среагировать. Затем он полдня потратил на уборку, наведение порядка на кровати, кипячение воды и приготовление густой, ароматной каши с овощами и мясом на медленном огне.

— Сы Сяонань? — Чжоу Жун присел на корточки у кровати и, мягко пощипав спящего за щёки, принялся с нежностью и строгостью наставлять его:

— Сегодня провожаем старый год и встречаем новый, слушайся: нам обоим нужно помыться, иначе беды не миновать.

Сы Сяонань лишь ровно и размеренно дышал.

— Если не проснёшься, брат Жун помое тебя сам.

Чжоу Жун подождал немного и пробормотал сам себе:

— Похоже, ты действительно хочешь, чтобы брат Жун тебя помыл... ну хорошо.

Он осторожно распахнул одеяло, снял с Сы Сяонаня верхнюю одежду и рубашку, стянул ботинки. Затем он некоторое время настраивался на нужный лад, повторяя про себя ценности социалистического общества, и только после этого снял с него брюки. Стараясь не смотреть на обнажённое тело в своих руках, он отнёс Сы Сяонаня в ванную и опустил в горячую, полную пара ванну.

Сколько лишений пришлось перенести в пути, и теперь горячая ванна казалась настоящей роскошью.

Сы Сяонань, лишь погрузившись в воду, издал блаженный вздох и полусонно обнял Чжоу Жуна за руку.

— Не балуйся, воду расплещешь, ссс...

Чжоу Жун сидел на краю ванной, взял кусок мыла и кое-как намылил пропитанное водой тело Сы Сяонаня. Это давалось ему крайне тяжело — дело было не только в социалистических ценностях, но и в том, что сам Сы Сяонань вёл себя крайне несносно: в полудрёме он проявлял

огромный интерес к рукам Чжоу Жуна, всё время пытаюсь их обнять, отчего вокруг летели брызги.

Верхняя часть одежды Чжоу Жуна промокла, военная рубашка липла к телу, вызывая раздражение.

— Товарищ Сяо Сы, будьте благоразумны, — Чжоу Жун ткнул его в кончик носа и серьёзно произнёс:

— Ещё раз так сделаешь — получишь по попе.

Товарищ Сяо Сы издал невнятное бормотание, его волосы, пропитанные паром, намокли и прилипли к длинной шее.

Чжоу Жун не осмелился смотреть слишком долго, поспешно отвернулся и пробормотал:

— Потом побью. Когда наденешь одежду, тогда и побью.

Смесь омежьего феромона и тёплого пара заставляла сердце Чжоу Жуна биться не в такт. Он задержал дыхание, вышел и сделал несколько больших глотков ледяной воды; бушующая кровь наконец немного остыла.

«Надо собраться с силами и покончить с этим мытьём, а как только всё закончится, станет легче».

<http://bllate.org/book/18107/1738952>